

Человек и его работа: из прошлого в информационную эпоху

Автор: Т. Ю. СИДОРИНА

Труд - потребность или необходимость?

Общепризнано: человек, чтобы жить, должен трудиться, добывать или производить. Усердно навязываемая в СССР "легенда о праве на труд", обеспеченном советским гражданам их государством, привела к такой казусной трансформации общественного сознания, что значительная часть граждан поверили в существование потребности в труде как одной из основных человеческих потребностей. Однако, если вспомнить знаменитую пирамиду потребностей А. Маслоу, то потребность в труде там не обозначена ни на одном из уровней. И даже если не доверять Маслоу, здравое размышление убеждает, что эта потребность природой ни в ком не заложена.

Тем не менее еще одно известное суждение уверяет нас: "кто не работает, тот не ест". С этим тоже можно было бы спорить, но история показывает, что большая часть человечества всегда была вынуждена трудиться, "добывая хлеб в поте лица своего". Получается, что труд - необходимость, и большинство людей так или иначе вовлечено в этот процесс необходимой деятельности. А раз так, то должны быть выработаны механизмы обеспечения и организации труда.

Механизмы организации труда: попытка классификации

В истории социальной мысли серьезно обсуждалась идея влияния природной среды на общество. Ее отстаивали, в числе прочих, сторонники так называемой "географической школы", истоки которой восходят к Ш. Л. Монтескье. Он считал, что климат и рельеф страны влияют на типичный характер и темперамент людей, их манеры поведения и отношение к труду. Это порождает определенный "дух народа", которому соответствует " дух законов" и формы политического правления. Например, Монтескье полагал, что в странах с очень жарким климатом люди могут выполнять тяжелый труд только при прямом принуждении, поэтому для таких стран характерно рабство.

Философы утверждают, что "свобода - это осознанная необходимость". Труд - тоже необходимость, но далеко не каждый способен и стремится эту необходимость осознать.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект "Феномен свободы в условиях глобализации" № 06 - 03 - 91 - 309а/У).

С и д о р и н а Татьяна Юрьевна - доктор философских наук, профессор Государственного университета - Высшей школы экономики.

вать. Соответственно, возникает потребность в институте и механизмах принуждения к труду.

Исторически известны разные механизмы принуждения к труду (или его организации) - рабство, крепостничество, работные дома, принудительные работы. Несколько позже - уже в XX в. - появились ГУЛАГ, лагеря военнопленных, небезызвестные стройбаты, массовые выезды на сельхозработы во время сбора урожая, отработки на овощных базах и т.д.

Безусловно, не следует забывать о свободном трудоустройстве, которое существовало в истории и, скорее, превалирует сегодня. Этот вид трудоустройства характерен как для рыночных, так и для плановых экономик и, безусловно, является наиболее привлекательной формой трудовой деятельности (в отличие от труда по принуждению), именно воплощением труда как осознанной необходимости. Следует отметить, что при всех плюсах вольного найма его оборотной стороной в условиях рынка является безработица, в условиях социализма и плана - прокрустово ложе эгалитаризма ("от каждого по способностям - каждому по труду").

Рынок труда и работные дома. Великое детище капиталистической экономики - рынок труда - рождался не просто. Многое способствовало ему, многое создавало препятствия. Подробный очерк истории становления рынка труда в Великобритании можно найти у К. Поланы. Он излагает историю правового акта, который на 40 лет задержал развитие рынка труда, так называемого закона Спинхемленда. "Мировые судьи графства Беркшир, - пишет Поланы, - собравшиеся 6 мая 1795 г., в период жестокой нужды, на постоянном дворе "Пеликан" в Спинхемленде (неподалеку от Ньюбери), постановили, что в дополнение к заработной плате беднякам следует выдавать денежные пособия в соответствии со специальной шкалой, привязанной к ценам на хлеб, чтобы нуждающимся был, таким образом, обеспечен минимальный доход независимо от их заработков" [Поланы, 2002, с. 92].

Этот закон, обоснованный внешне как необходимость решать проблему возросшей нищеты, вводил право существовать не работая как систему, как практику, как "право на жизнь". С одной стороны, он предотвратил революцию "снизу", с другой - последствия этого закона оказались столь плачевными, что и после его отмены потребовалось длительное время для решения проблем, порожденных его введением.

Поланы пишет, что "Спинхемленд был обусловлен вполне конкретным этапом развития рынка рабочей силы, и столкновять его следует в свете понимания данной ситуации теми, кто определял тогда политику. При таком подходе мы увидим в системе пособий средство, придуманное управлявшими страной сквайрами в ситуации, когда, с одной стороны, работнику уже нельзя было отказывать в свободе передвижения, а с другой - сам сквайр стремился предотвратить те резкие изменения в местных условиях (в том числе рост заработной платы), которые несло с собой создание свободного национального рынка труда" [Поланы, 2002, с. 104].

В числе роковых последствий введения закона Спинхемленда называют катастрофическое падение производительности: "Уже через несколько лет производительность труда опустилась до уровня, характерного для пауперов, предоставив, таким образом, работодателям еще одно основание не поднимать зарплату выше шкалы. Ибо если интенсивность труда, его качество и эффективность падали ниже определенного уровня, то он уже ничем не отличался от простого "валяния дурака", от видимости работы, которую сохраняли ради приличия" [Поланы, 2002, с. 104].

Кроме того, фактически был уничтожен рынок труда: "Реальная заработная плата должна была постепенно опуститься до нулевого уровня, и таким образом все затраты на содержание работника легли бы на приход... Будь у рабочих право объединяться для защиты своих интересов, система денежных пособий могла бы, конечно, оказать противоположное влияние на средний уровень заработной платы, ибо действиям профсоюзов в значительной степени способствовала бы система помощи безработным, предусматривавшаяся столь широким применением законодательства о бедных" [Поланы, 2002, с. 96]. Но "право на жизнь" в сочетании с несправедливыми законами 1799 - 1800 гг. про-

тив рабочих союзов (профсоюзы разрешили лишь в 1870 г.) привело к падению заработной платы и массовому пауперизму.

Наконец, "финансовое осуществление "права на жизнь" приносило, в конечном счете, несчастье тем самым лицам, для которых оно, казалось бы, должно было стать спасением" [Поланы, 2002, с. 96]. Это непосредственным образом следует из предыдущего вывода - сведения на нет рынка наемного труда. Поскольку главным следствием системы пособий стало то, что уровень заработной платы опустился ниже прожиточного минимума, фермеры не желали нанимать работников, у которых оставался хотя бы крошечный клочок земли, поскольку человек, владевший собственностью, не имел права на пособие от прихода, а обычная заработка была столь низкой, что не могла обеспечить существование семьи без дополнительной помощи в том или ином виде. Те, кто хотел заработать больше, чем могло бы обеспечить пособие, просто не мог этого сделать. Соответственно, даже у тех, кто был готов и хотел трудиться, эти желание и готовность постепенно пропадали.

Призванный сдержать рост нищеты закон Спинхемленда привел к тяжелейшим социальным последствиям, которые Великобритания переживала в течение последующих 40 лет. Лишь в 1834 г. парламент, избранный на основании новой избирательной системы, отменил этот закон. Согласно новому закону, "лица, живущие самостоятельно, впредь лишились права на пособие. Закон проводился в жизнь дифференцированно и на общенациональном уровне; в этом отношении он также означал решительный разрыв с прежней практикой. С дотациями к заработной плате было, разумеется, покончено" [Поланы, 2002, с. 117].

Что же касается рынка труда, дорога которому была, наконец, открыта, то его возникновение в свою очередь привело к возникновению неизбежных социальных проблем уже в общегосударственном масштабе и поставило перед обществом задачу создания механизма, способного компенсировать эти проблемы (и, собственно, противостоять рынку). Так, Поланы обращается к вопросу о необходимости создания социальной политики: "Экономические преимущества свободного рынка труда не могли компенсировать порожденные им социальные бедствия. Потребовалось создать новый тип регулирования, чтобы, как и прежде, защищать труд, только теперь уже - от действия самого рыночного механизма" [Поланы, 2002, с. 177].

Одним из первых шагов нарождающейся социальной политики стал новый Закон о бедных (также принятый в 1834 г.), обязывающий каждого трудоспособного человека работать. Законодательно же были закреплены и решения о принуждении человека к труду, в том числе практика работных домов, которые при своей скверной репутации в условиях становления рынка представлялись необходимым злом.

Приведу некоторые выдержки из доклада составителей Закона о бедных 1834 г. В разделе, который носит название "Принцип оказания помощи нуждающимся. О мере достатка", указывается: "Первым и основным условием, принципом, который применяется повсеместно, даже теми, чьи действия на практике расходятся с ним, является то, что его положение (то есть положение "бедняка", получателя помощи по Закону о бедных) в целом не может в действительности или явно быть таким же приемлемым, как положение независимого работника, принадлежащего к самому низшему классу. Доказано, что тогда как положение любого класса бедняков поднимается над положением независимых работников, положение независимого класса приижается; их промысел деградирует, занятость становится непостоянной, оплата их труда снижается. У подобных лиц появляется стимул покинуть ряды менее приемлемого класса рабочих, чтобы стать членом более приемлемого класса бедняков. Речь идет о том, чтобы сделать так, чтобы поставить класс бедняков в то положение, в котором он должен находиться, то есть ниже независимого работника. Каждая копейка, потраченная на то, чтобы сделать положение бедняков более достойным, чем положение независимых работников - это праздная и вредная щедрость..." [Miller, 1999, р. 19].

Практика работных домов - один из трагических эпизодов социальной истории Великобритании. Бедняку, стоявшему на грани голодной смерти, был предложен выбор

между полной отменой какой бы то ни было помощи и помещением в работный дом. Но, так или иначе, - это был способ заставить людей, развращенных подачками Спинхемленда, не желающих работать, самостоятельно искать выхода на рынок труда.

Общественные работы, трудовые мастерские. Социальная история Франции и история социальной политики в этой стране во многом определена Великой французской революцией и Декларацией о правах человека и гражданина. "Общество обязано помочь тем, кто находится в бедственном положении", - считали авторы великого документа. Общественное вспомоществование, говорили тогда, соответствует "священному долгу". Однако, провозглашая право на помочь, государственные мужи того времени не отделяли его от другого, еще более важного права - зарабатывать на жизнь собственным трудом. Право на получение помощи, с их точки зрения, лишь сопутствовало более существенному праву быть включенным в общество, приносить ему пользу, как было принято говорить в те времена. И с этим соглашались авторы Декларации [Розан-валлон, 1997, с. 116].

Труд рассматривался как основа солидарности и социального взаимодействия. Каждый человек имеет право зарабатывать на жизнь, если он трудоспособен, или получать помочь, если не в состоянии работать. Как реализовывались во Франции эти идеи? В работе "Новый социальный вопрос" (1995) научный директор Высшей школы социальных исследований (Франция) П. Розанваллон описывает основные вехи истории трудовых отношений и становления социальной политики Франции.

В 1789 г. были созданы бюро "по вспомоществованию и труду". Будучи предназначеными для организации работ для неимущих, отмечает Розанваллон, эти бюро должны были играть роль своего рода агентств по трудуустройству, осуществляя учет как имеющейся рабочей силы, так и потребности в ней. Из-за неурожая в Париж потянулись массы безработных, и осуществление подобных проектов стало неотложным делом. Менее чем через два месяца после взятия Бастилии государственные власти принялись за организацию работ, предназначенных для обеспечения занятости безработных граждан, - ремонта канализации, уборки мусора по берегам Сены, различных работ по благоустройству окраин и т.д. В тот период аналогичные службы, которые называли "мастерскими по оказанию помощи", были организованы также и в провинции [Розанваллон, 1997, с. 136].

В постановлении парламента Парижа, вышедшем в феврале 1815 г., впервые была официально признана необходимость обеспечивать работой безработных граждан. Интересно, что необходимость этого рассматривалась не просто как моральный долг общества, но и как реализация дисциплинирующей функции государства и социальной политики. Так, помимо обеспечения работой нуждавшихся в трудуустройстве, существовало согласие по вопросу о привлечении к труду опасных групп населения, с тем, чтобы контролировать их и подвигать к исправлению. Были предприняты меры по закреплению в определенных местах бродяг и подозрительных людей.

Следует отметить, что между бездеятельностью в экономическом смысле и преступлением в трудовых документах тех лет еще не делалось четких различий. Постановление 1815 г. включало в одну и ту же категорию мошенников, бродяг, неисправимых преступников, слабоумных и распутников. Работа для бедных и принудительный труд рассматривались как одно и то же. Считалось нормальным и даже необходимым заковывать в цепи бедняков, привлекаемых к расчистке сточных канав, уборке улиц и ремонту городских стен. Подобные меры мало чем отличались от применявшихся в XIV в. способов насилиственного закрепления "праздных людей" на общественных работах.

С 1770 г. в различных районах Франции создавались фонды благотворительных работ. Сильный импульс этому движению сообщил А. Р. Ж. Тюрго своим распоряжением 1775 г. С этого времени труд в благотворительных мастерских стал принципиально отличаться от прежних видов принудительных работ. Статья "Труд" во Французской энциклопедии говорит об этом следующее: "Каждый человек, у которого ничего нет и которому запрещено собирать милостыню, вправе требовать, чтобы ему дали жить трудом".

Идея создания благотворительных трудовых мастерских возникла в годы Великой французской революции. С момента своего образования Комитет по борьбе с нищетой взял на вооружение принципы оказания помощи путем предоставления работы. Единственно верным решением проблемы бедности представлялось создание рабочих мест для дееспособных работников, которых экономическая ситуация приговорила к безделью. Поэтому деятели Комитета считали, что для хорошего управления страной важно постоянно заботиться, чтобы рост занятости был увязан с увеличением численности населения.

Создание летом 1789 г. мастерских вспомоществования повлекло за собой серьезные организационные проблемы. Сначала их сотрудники не могли справиться с огромным числом обратившихся за помощью людей. Вскоре мастерские перестали справляться и с участвовавшими случаями нарушения дисциплины. Никакого отбора в приеме на работы не существовало, достаточно было быть не моложе 16 лет и проживать в районе их проведения. Работники были плохо обучены, многие трудились непроизводительно, а некоторые даже не удосуживались появляться на рабочем месте, приходя только в дни получки [Розанваллон, 1997, с. 119].

Мастерские подвергались критике со всех сторон. В целях изменения сложившейся ситуации без особого успеха издавались многочисленные указы и правила. Ситуация была настолько неблагополучной, что Учредительное собрание декретировало 31 августа 1790 г. реорганизацию всех мастерских на новой основе. В одних мастерских здоровые работники должны были трудиться сдельно; в других - работали люди с ограниченной трудоспособностью и получали оплату поденно. Заработки обязательно оставались ниже среднего уровня. Однако устранить сложности в организации работы мастерских не удалось, так что весной 1791 г. их пришлось закрыть.

По мнению Розанваллона, неудачный опыт мастерских во многом был обусловлен поспешностью, с которой они создавались. Причина провала заключалась также и в принципах, на которые опиралась вся система. Организация мастерских как инструмента ликвидации бедности и механизма организации трудовой деятельности требовала четких установок по следующим вопросам: обязаны ли неимущие работать; каким образом вознаграждать их труд (заработка плата или пособие); каково юридическое положение мастерских; и т.д. Определенности не было ни по одному из этих вопросов.

Ключевой вопрос об обязанности работать был отнюдь не новым: по крайней мере, с XVI в. он серьезно рассматривался при обсуждении политики искоренения нищенства. Филантропы пытались установить различие между "настоящим бедняком", заслуживающим помощи, и "фальшивым нищим", который хотел жить на иждивении общества. Однако нищенство можно было бы считать правонарушением, если бы каждый человек действительно мог найти работу. Именно поэтому как с моральной, так и с экономической точки зрения были столь важны благотворительные мастерские.

Не менее значима была и проблема согласия на предложение о найме. Возможен ли такой правовой фундамент, который ставил бы каждого человека перед выбором между "принудительным" трудом как наказанием за преступление нищенства и "свободным" трудом в благотворительной мастерской? Не приводило ли опять новое право на вспомоществование к принуждению? Власти не располагали возможностью осуществлять это принуждение (хотя в XVII в. закон предусматривал осуждение нищенствующих на галеры, на практике этого не делалось). Неразрешенность вопроса об обязанности работать в итоге привела к тому, что благотворительные трудовые мастерские были закрыты под предлогом сложившихся обстоятельств.

Биржи труда, трудовые армии, трудовые

Историю трудовых отношений в России XX в. можно сравнить с движением по замкнутому кругу, с дорогой, ведущей от рынка труда к рынку труда.

В январе 1918 г. Советское правительство принимает закон о биржах труда, который предусматривал создание Всероссийского центра бирж труда, учреждение Совета бирж, проведение их съездов. В мае 1918 г. состоялся II Всероссийский съезд комиссаров труда и страховых касс, определивший общие правила регулирования рынка труда и наладив-

ший более полный учет безработных. Были созданы предпосылки для огосударствления органов по трудоустройству.

С началом гражданской войны, проведением политики "военного коммунизма", национализацией, потребовавшими тотального привлечения к труду населения страны, эта глубоко продуманная система была упразднена. Экономику решили поддерживать методами внеэкономического воздействия - созданием трудовых армий, принудительной мобилизацией, милитаризацией труда (создание системы административно-командных и репрессивных учреждений принудительного труда - "комтруды"), принудительным распределением работников по рабочим местам (наряды на мобилизацию), организацией концлагерей, которые представляли собой огромные резервуары живого труда без всякой техники, являвшие примеры варварской эксплуатации людей государством.

К началу 1920-х гг. в связи с послереволюционной, послевоенной ситуацией сложились условия, при которых в стране началась хозяйственная разруха, появились толпы беженцев, что во многом обусловило невиданную в истории России безработицу. Власти возвращаются к идеям, провозглашенным в 1918 г. В целях ликвидации безработицы по всей стране в течение короткого времени открываются биржи труда, которые, помимо учета безработных, свободных рабочих мест и распределения по ним людей, оказывали материальную помощь нуждающимся. Биржи труда не зависели от государства, а находились в ведении профсоюзов, были самоуправляемыми и принадлежали тем, кто оказался на рынке труда. В управлении биржи большинство составляли рабочие, но и предприниматели (работодатели) тоже участвовали в управлении. Соблюдался принцип сохранения паритетности прав и обязанностей работодателей и работников. Были открыты временные и общественно полезные работы [Российский... 1995].

Новая экономическая политика вернула к жизни, казалось бы, навсегда утраченную систему занятости (в ноябре 1922 г. был принят Кодекс законов о труде). Снова появился рынок труда, биржи, была восстановлена система помощи безработным, их переквалификации, экспертиза профессиональной трудоспособности. Последнее понадобилось особенно, потому что в эпоху "военного коммунизма" наступила всеобщая депрофессионализация. Многие кадровые рабочие сбежали с предприятий в деревню, чтобы не погибнуть от голода, на их место пришли люди малоквалифицированные, загнанные на предприятия военными методами, или беженцы. Заработка плата была увеличена и составляла не меньше прожиточного минимума. Появились деньги, на которые можно было купить товары, а не получать мизерные пайки по карточкам и талонам. Всеобщую принудительную занятость заменила нормальная рыночная система. Работу по специальности и высокую оплату за выполненный труд получал тот, кто хорошо работал.

Россия нэповская дала миру опыт великолепно налаженной системы оказания посредничества для получения настоящей, хорошо оплачиваемой работы по специальности и одновременно оказания социальной помощи тем, кто не мог найти себе такую работу по объективным причинам - недоставало квалификации, имелись физические ограничения для трудоустройства. Была возобновлена выплата пособий по безработице. Право на получение пособия в первую очередь имели работники, уволенные по сокращению штатов или при ликвидации предприятия, члены профсоюза, демобилизованные. Безработным также предоставлялось полное или частичное освобождение от уплаты налогов, от платы за квартиру и коммунальные услуги, а также льготный проезд на транспорте. Профсоюзы также создавали особые фонды помощи рабочим и служащим, оставшимся без работы. Возобновилась практика организации общественных работ. В некоторых городах успешно работали артели безработных. Для трудоустройства женщин организовывались женские артели, работа в столовых и прачечных. В наиболее крупных городах действовали бюро по использованию труда подростков.

Летом 1930 г. рынок труда был упразднен, а Наркомат труда и его органы на местах были реорганизованы. Это стало решающим шагом для утверждения и воплощения в жизнь ключевой социальной доктрины молодого советского государства - концепции всеобщности труда, согласно которой все поголовно, независимо от индивидуальных особенностей, должны работать как в одном муравейнике, осуществлять намеченные грандиозные планы, действовать как части хорошо отлаженного механизма, по схеме, где человеческая личность ничего не стоит и незаменимых нет.

В период индустриализации страна представлялась ее руководителям огромным заводом, работающим по единой программе, по заранее утвержденной номенклатуре, в соответствии с установленными приоритетами. Продукцию давали на душу населения - тыс. тонн, млрд. кубометров. Этот вал задавил смысл производства, свободу человека, его реальные ценности. Началась эпоха организации трудового энтузиазма сверху. Его подстегивали пропагандистскими и репрессивными мерами, стимулировали мотивами соревновательности [Российский... 1995].

За годы первой пятилетки в стране была введена карточная система, учреждены отделы рабочего снабжения и закрытые распределители на предприятиях с принудительным ассортиментом "отоваривания" зарплаты. Получить реально хоть какое-то жилье, пропитание, бытовое обслуживание при фактически обесценивающейся зарплате становилось возможным только на предприятии. Несанкционированное увольнение, как правило, сопровождалось для рабочего серьезными материальными лишениями. Это создавало условия для прикрепления к производству.

Именно в эти годы были введены трудовые книжки, где фиксировались все перемещения человека. В конце 1930-х гг. рабочего бессрочно прикрепили к предприятию, как еще раньше колхозника пожизненно прикрепили к колхозной плантации. Указ, подписанный Сталиным в 1940 г., запретил самовольный переход с одного предприятия на другое и ввел уголовное наказание за нарушение дисциплины труда. За двадцатиминутное опоздание следовало полгода принудительных работ, за прогул - год тюрьмы. Подобное же наказание - за самовольное оставление рабочего места.

После войны эти драконовские методы продолжали действовать. Многие заводы открывали ворота раз в неделю, чтобы выпустить рабочих на выходной, колхозники по-прежнему были в положении рабов. Лишь в 1955 г. была, наконец, разрешена самостоятельная перемена места работы.

Рынок труда вновь появился в России с началом проведения экономических реформ как новое социальное и экономическое явление, феномен, требующий новых институтов, законов, механизмов, знаний, программ и т.д.

Обеспечили занятость - как защитить в случае безработицы?

С давних пор человек подвергался различным опасностям, характер которых менялся от века к веку. Почти всегда существовала опасность природных катастроф, эпидемий. Однако с приходом индустриальной эры стали возникать и распространяться новые опасности, связанные с таким явлением, как риск. "Жить в эпоху "поздней современности", - пишет Э. Гидденс, - значит жить в мире случайностей и риска - неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории" [Гидденс, 1994, с. 107].

Один из основных рисков индустриальной эпохи: потеря работы, утрата трудоспособности - риск безработицы. Существуют различные пути защиты от рисков, сопровождающих индустриальное развитие человечества, важное место среди них занимает социальное страхование как один из механизмов реализации социальной политики.

Социальное страхование появляется во второй половине XIX в. в Европе как коллективное страхование. С возникновением профсоюзов, отстаивающих права наемных работников перед государством и работодателями, социальное обеспечение стало прини-

материи коллективной самопомощи и самострахования путем создания касс взаимопомощи, больничных касс, касс по безработице.

Первоначально социальное страхование развивалось в целях предоставления социальной и страховой защиты только работающим гражданам и покрывало риски воспроизведения трудовых ресурсов. В дальнейшем с усилением роли человеческого фактора в производстве и гуманизацией целей общественного развития сфера влияния социального страхования была значительно расширена и распространена на весь цикл жизни человека.

Первая практика социального страхования показала три возможных способа организации этой системы, в частности: введение социального страхования "снизу" как урегулирование отношений работников и работодателей; введение института социального страхования "сверху" как государственного законодательства; организация третьего (так называемого смешанного) варианта формирования системы социального страхования вследствие привлечения государственных властей и профсоюзов [Федорова, Янова, 1997, с. 3 - 5].

Одна из первых программ социального страхования была предложена канцлером Германии О. фон Бисмарком. Принципиальное его нововведение заключалось в том, что в виде систем обязательного социального страхования государством впервые создавались крупномасштабные механизмы общественного перераспределения доходов с целью социальной защиты низших слоев населения, к которым в то время в первую очередь относились наемные рабочие промышленных предприятий. Тем самым по отношению к этим слоям законодательно закреплялись определенные социальные гарантии в случаях утраты трудоспособности или потери работы [Роик, 1994, с. 19].

Бисмарк подготовил первые акты, касавшиеся страхования на рабочем месте. Оно включало защиту слабых (особенно детей и женщин), защиту в случае получения травм на производстве, решение проблем со здоровьем, пенсионное обеспечение. Строительство системы социального страхования в Германии было проведено менее чем за десять лет.

Значительное место страхование трудовых рисков занимает в системе социального страхования Великобритании. Становление социального страхования в этой стране - законодательница мод в области социальной политики - связано с появлением знаменитого документа У. Бевериджа "Социальное страхование и смежные службы" (1942), известного также под названием "Отчета Бевериджа" и положившего начало построению социального государства и государства всеобщего благосостояния в Великобритании.

Защита от безработицы - один из ключевых вопросов плана социального страхования английской социальной политики. В его основе лежит схема страхования на случай прерывания или прекращения заработков. Согласно этой схеме все население страны разделено на четыре основных класса трудоспособного возраста и два других, ниже и выше этого возраста: I служащие (их нормальная занятость предполагает службу по контракту); II "доходно" занятые (предприниматели и независимо занятые); III домохозяйки (замужние женщины трудоспособного возраста); IV незанятые люди трудоспособного возраста (значительная их доля - студенты). Две другие группы (V и VI) - люди, не достигшие трудоспособного возраста, и те, кто уже перешагнул пенсионный порог.

Один из главных политических компонентов программы Бевериджа состоял в том, что каждый гражданин трудоспособного возраста должен внести посильный вклад для поддержания социальной стабильности. Все принципиально значимые выплаты будут обеспечиваться человеку так долго, как ему необходимо. В таком случае каждый будет застрахован от возможной нужды. Например, пособие по безработице следует выплачивать в постоянном размере до тех пор, пока человек остается безработным, однако в большинстве случаев подразумевается посещение трудовых или учебных центров [Beveridge, 1942].

Становление социального страхования в области трудовых отношений в США стало активно развиваться в начале 1930-х гг., после периода экономической депрессии в рамках программы Нового курса Ф. Рузвельта. Меры по борьбе с безработицей, ставшей в

тот период проблемой номер один, включали программу восстановления и стимулирования экономики как главного средства преодоления безработицы, денежные выплаты безработным, организации финансируемых государством работ¹.

В 1935 г. в США был принят Закон о социальном обеспечении, который утверждал, что пособия по безработице предоставляются застрахованным работникам в целях частичной компенсации потери заработка, произошедшей не по их вине, на ограниченный срок, в течение которого получатель пособия должен заниматься поиском работы. Выплата пособий по безработице лицам, потерявшим работу, рассматривалась не как долгосрочная замена их доходов, а как средство поддержки на период поисков новой работы. Система страхования по безработице позволяла также защитить экономику страны от дестабилизирующих последствий безработицы, поддерживая покупательную способность лиц, оставшихся без заработка.

Занятость в информационную эпоху - прогнозы исследователей

Итак, история последних столетий предлагает интересную и поучительную картину развития трудовых отношений. Но как они будут развиваться в будущем, что ждет человека? Одной из наиболее обсуждаемых в последние десятилетия стала идея о том, что в наиболее развитых странах индустриальное общество постепенно сменяется новым - информационным - обществом, а вместе с этим человечество вступает в новый, постиндустриальный, тип цивилизации.

Согласно теории трех волн одного из идеологов постиндустриального общества А. Тоффлера третья волна социального прогресса связана с тем, что на смену тяжелой промышленности, огромным заводам, конвейерному производству индустриальной эры в постиндустриальном обществе приходят небольшие гибкие производства, которые управляются информационной техникой - компьютерами. Люди освобождаются от монотонного труда и перемещаются в сферу производства знания, информации, в сферу услуг. Труд приобретает все более интеллектуальный и творческий характер.

В постиндустриальном обществе на передний план и по значению, и по вкладываемым и оборачивающимся финансовым средствам начинает выходить система образова-

¹ Зима 1932 - 1933 гг. была одним из самых тяжелых периодов в истории Великой депрессии. На момент инаугурации Рузвельта работы были лишены почти 13 млн. человек. Уже 21 марта 1933 г. президент направил в Конгресс предложения, касающиеся трех мер, призванных облегчить положение нуждающихся: о создании "Гражданского корпуса консервации природных ресурсов", о выделении штатам дотаций из средств федерального бюджета на цели вспомоществования бедным и о начале новой крупномасштабной программы общественных работ. Конгресс принял все эти предложения, и в конце осени началась работа над созданием соответствующих структур. Всего с 1933 по 1942 г. (когда программа была закрыта) примерно 3 млн. молодых американцев отработали хотя бы одну смену в лагере "Гражданского корпуса". Заработная плата у работников в рамках этой программы была меньше, чем в промышленности, хотя их труд был не менее тяжелым. Тем не менее это было оплаченное трудоустройство. Основным недостатком "Гражданского корпуса" было то, что в лагерях полностью отсутствовало профессиональное обучение молодежи. Вторая из предложенных президентом мер - выделение дотаций штатам - нашла свое воплощение в создании 23 мая 1933 г. "Управления чрезвычайной федеральной помощи". Фактически оно занималось распределением средств между нуждающимися в виде зарплаты занятых в общественных работах в графствах или в виде пособия по нуждаемости в размере разницы между реальным доходом семьи и прожиточным минимумом. Однако деятельность этого управления вскоре начали критиковать прежде всего за то, что для получения помощи бедные семьи должны были пройти унизительное "обследование на нуждаемость". В соответствии с предложением президента о начале федеральной программы общественных работ было создано "Управление общественных работ", которое к концу 1933 г. освоило чуть более 100 млн. долл. из выделенных ему средств. Максимальная занятость по данному направлению была обеспечена в июле 1934 г. и составила 694 тыс. человек. К осени 1933 г. экономическая конъюнктура ухудшилась, было создано "Управление гражданских работ", задачей которого стало предоставление бедным работы в государственном секторе экономики. Проекты Управления не должны были пересекаться с областью деятельности частных предприятий, а условия труда следовало приблизить к предоставляемым в частном секторе [Семенов, 2001].

ния. Уже сейчас, например, в США, система образования - школа, университеты и проводимые в них научно-технические исследования и разработки - реально стала самой крупной отраслью по объемам средств и числу занятых в ней людей. Это не случайно, поскольку главная роль в информационном постиндустриальном обществе принадлежит широкообразованным людям, способным производить новые научные знания, технологии и новые культурные ценности.

На рубеже XX-XXI вв. многие исследователи обращаются к вопросам развития рынка труда и трудовых отношений в условиях глобализации и информационного общества. Эти проблемы, в частности, рынка труда и занятости, часто присутствуют в материалах Римского клуба, особенно в рамках дискуссий об информационном обществе и будущем человечества. Достижение полной занятости, согласно позиции Клуба, по-прежнему относится к числу приоритетных социально-экономических задач.

Согласно позиции Клуба, понятия занятости, безработицы, неполной занятости и досуга имеют нравственный и исторический аспекты, составляющие "этику труда", а некоторые из этих слов имеют уничтожительный оттенок. Материальное производство не нуждается больше в огромном количестве работников не только вследствие циклических колебаний, но и потому, что общество стремится, а научно-технический прогресс позволяет достичь очень высокого уровня производительности труда. Поэтому в дальнейшем нравственный и исторический аспекты указанных понятий утратят свое значение, а слова - свой традиционный смысл. Предполагается, что в будущем человека будет беспокоить не столько безработица, сколько занятость в широком смысле слова, включающем, конечно, возможность получить оплачиваемую работу, нужную для обеспечения экономических потребностей общества, но также и возможность выбрать профессию и занятие, приносящие полное удовлетворение. Таким образом, в каждом конкретном виде человеческой деятельности должны будут сочетаться и интеллектуальные, и традиционные производственные функции. Такая работа, предположительно, потребует у людей значительно меньшего времени в связи с более поздним началом рабочего дня, его меньшей продолжительностью, более ранним уходом на пенсию, предоставлением отпусков для продолжения обучения или переподготовки, и т.д. При этом досуг станет более насыщенным, люди смогут заниматься искусствами, спортом, получить образование, включиться в общественную деятельность.

Такая ситуация не возникнет стихийно. Если тысячи людей, особенно молодых, окажутся без работы, то под гнетом бесконечного досуга они будут обречены на разочарование в жизни. Их свободное время в лучшем случае окажется занято телевидением и футболом. Но чаще "пагубное влияние досуга" будет выражаться в алкоголизме, употреблении наркотиков, хулиганстве и правонарушениях. Нужен подход, предусматривающий большие изменения в системе образования и распределении общественного богатства, который должен быть разработан самим обществом.

Описанный выше сценарий не является таким невыполнимым и радикальным, как это может показаться на первый взгляд. В условиях, когда широкая автоматизация обрабатывающей промышленности и конторской деятельности действительно порождает сложные проблемы безработицы, следует уяснить, что при росте конкуренции на мировом рынке нельзя отвергать такое развитие событий. Это позволит начать переговоры, которые приведут к справедливому распределению работы между людьми за счет сокращения рабочего дня и других мер. При сокращении рабочей недели у всех занятых в экономике необходимо обеспечить свободный режим работы в наиболее предпочтительных видах деятельности. В результате все большее количество свободного времени людей начнет обретать творческий характер и приносить удовлетворение, что позволит информационному обществу превратиться в общество профессионалов.

О феномене "конца труда" в его классическом понимании

Особенности занятости в постсовременном обществе предстают как симптомы явления, которое можно определить как "конец труда" в его классическом понимании. Речь

идет о массовом переходе к работе по несколько часов в неделю, по краткосрочным проектам и контрактам либо без всяких оговоренных гарантий, лишь до очередного "уведомления" [Филатов, 2006, с. 107].

Сравнивая эту ситуацию с тем, что имело место в эпоху классического индустриализма, З. Бауман подчеркивает поразительные различия. "Получая свою первую зарплату на фабрике Форда, молодой подмастерье мог быть вполне уверен, что завершит свою трудовую биографию на том же самом месте. Временные горизонты эры "тяжелой модернити" были долгосрочными... Согласно последним подсчетам молодого американца или американку со средним уровнем образования в течение их трудовой жизни ожидают по меньшей мере одиннадцать перемен рабочих мест, и эти ожидания смены точек приложения своих способностей наверняка будут нарастать прежде чем завершится трудовая жизнь нынешнего поколения" [Бауман, 2005, с. 28 - 29]. Характерной особенностью этой ситуации, для Баумана, является приход новой "краткосрочной" ментальности на смену "долгосрочной".

Работник больше не предан своему рабочему месту, предприятию. Корпоративная культура, столь долго провозглашавшаяся как путь к процветанию компаний, сегодня утрачивает свою роль и значимость. "Конец труда" во многом предопределен и процессом глобализации. Глобализируясь, мир становится общим², а это порождает новые противоречия, проблемы и перспективы.

Одна из особенностей западноевропейской либеральной традиции - приоритет индивидуальности. Индивидуальность, а не общество, коллектив, рассматривалась в качестве абсолюта. Вопрос о естественных правах человека и их защите прежде всего касался прав индивидуальности, ее права на жизнь, свободу и собственность. А если мир становится общим, то что же будет с этими индивидуальными правами?

С одной стороны, в капиталистических странах право собственности становится все более и более прочным, с другой - само понимание собственности и отношение к ней неизбежно меняется, хотя, конечно, пока нигде и никто не отменил эту привилегию человечества. Но что в этом *общем* современном мире можно рассматривать как собственность, которой следует дорожить до такой степени, чтобы включить в Декларацию прав человека, - необходимость защиты права собственности как одного из основных, равных по значимости с правом на жизнь и свободу? Что является собственностью в конце XX-XXI в.? Банковский депозит, кредитная карточка? Люди меняют места работы, меняют города, все более привычным становится съем жилья; дети, окончив школу, "разлетаются" из семьи. Все это, с одной стороны - индивидуальное, собственное, но с другой - общее.

А труд? Что он теперь значит в этом общем, глобальном пространстве? Для чего человек работает? Чтобы существовать, чтобы реализовывать потребительские наклонности, чтобы развлекаться? Если ничего не постоянно, нет ничего, о чем нужно заботиться, выращивать, ждать долгосрочного результата, все интересно только сегодня, сейчас, а завтра могут быть другой город, другая работа, другой брак, другая машина - тогда зачем вкладывать душу, отдавать всего себя делу, которым только сейчас занимаешься. Никто уже не создает "скрипки Страдивари". На смену индивидуальному рукотворному творчеству (даже ремеслу) сначала пришло машинное производство, затем конвейер, а в перспективе - обезличенные автоматизированные производственные комплексы. Индивидуальность становится маргинальной - в науке, творчестве, политике, бизнесе - только в самом абсолютном варианте, в самой превос-

² Одно из основных предвестий социокультурного кризиса современного общества - ощущение ограниченности мирового пространства. Об этом писали О. Шпенглер и многие другие мыслители XX в., оценивая и анализируя причины наступающего кризиса. Мир перестал быть безграничным. Что это означает? Ответов много. Один из них - европейское человечество ощутило ограниченность территории, возможностей, перспектив. Мир стал общим. Естественно, изначально это не могло восприниматься иначе, как посягательство на законные права Европы и европейцев. Однако XX в. решительно освоил это общее мировое пространство, вернув бесконечность с идеей глобальности.

ходной степени: огромные состояния, высшие политические посты, открытия нобелевских лауреатов и т.д.

Труд теряет былую значимость. Все больше людей смотрят на труд как на тяжкую повседневность и были бы рады навсегда от нее избавиться. Особенно в условиях гнетущего обострения небезызвестных глобальных проблем, которые со временем обнаружения их Римским клубом так и остались не только нерешенными, но продолжают предвещать человечеству гибель от глобальной экологической катастрофы, исчерпания природных ресурсов, перенаселенности планеты, и пр.

Что может сделать государство в условиях освобождения труда и капитала

В условиях освобождения труда, отмирания его традиционной модели, глобализации общества и экономики организация трудовой деятельности обретает особую значимость. "Эпоха "тяжелой модернити", - пишет Бауман, - действительно была временем помолвки между капиталом и трудом, подкрепленной их взаимной зависимостью... Нынешняя растекающаяся, подвижная, разделенная, разобщенная и дерегулированная версия модернити еще не предполагает развода и окончательного разрыва отношений, но она определенно предсказывает *взаимное разъединение капитала и труда...* Угроза капитала порвать местные связи и сняться с насиженного места представляет собой нечто такое, с чем любое ответственное правительство должно всерьез считаться и корректировать в соответствии с этим свои действия" [Бауман, 2005, с. 27, 31, 32]. Оценивая ситуацию в целом, Бауман не видит возможности для правительства выйти победителем в этой схватке с освобождающимся в условиях глобализации капиталом.

Что же касается России, то, принимая версию о ее "догоняющем развитии", можно предположить, что капитал некоторое время не только не будет сниматься с насиженного места, а наоборот, Россия может стать именно тем местом, куда станут стекаться освобожденные внешние капиталы. В настоящее время российское государство проводит достаточно определенную политику на рынке труда. В условиях усиления государственной власти, что является свидетельством упрочения вертикального социального контракта, именно от государства приходится ждать активных мер по нормализации ситуации в сфере труда и занятости, коль скоро государство берет на себя функции основного субъекта социальной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.

Гидденс Э. Судьба, риски, безопасность // TESIS. Риск, неопределенность, случайность. 1994. N 5.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические источники нашего времени. СПб., 2002.

Розанваллон П. Новый социальный вопрос. М., 1997.

Роик В. Д. Социальное страхование. М., 1994.

Российский рынок труда: становление и развитие. М., 1995.

Семенов А. Ю. "Новый курс" Франклина Делано Рузвельта: к истории создания. Социальная политика // *Семенов А. Ю.* Мир в новое время. СПб., 2001.

Федорова Т. А., Янова СЮ. Социальное страхование. СПб., 1997.

Филатов С. В. Феномен корпоративности в исторической перспективе // Философская традиция как понятие и предмет историко-философской науки. М., 2006.

Beveridge W.P. Social Insurance and Allied Forces: The Beveridge Report in Brief. London, 1942.

Miller St. The Development of Social Policy // Social Policy. New York, 1999.